

Линев Дмитрий Александрович

По тюрьмам

**Записки заключенного. "Впредь до
распоряжения"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Александрович Л.**
По тюрьмам: Записки заключенного. "Впредь до распоряжения" / Линеv Дмитрий Александрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 407 с.

ISBN 978-5-519-93496-1

Начало романа "Исповедь преступника"; продолжение "В пересыльной тюрьме"

ISBN 978-5-519-93496-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тантъ подалъ мнѣ эту доску. На ней значилось: «Отставной юнкеръ Дмитрій *Карасевъ*. 19 октября 1874 года». Итакъ, конецъ моему самозванству. *Карасевъ* приобрѣлъ право на существованіе... Да, теперь я помню: это было 17 октября... сегодня 8-е ноября, — слѣдовательно, три недѣли тому назадъ... Я ничего не понималъ: вокругъ меня все кружилось, ноги подкашивались... я упалъ...

Смутно припоминаю затѣмъ, какъ меня куда-то носили, возили, раздѣвали... Надпись на доскѣ объясняетъ мнѣ теперь, что я 19 октября прибылъ въ тюремную больницу. Гдѣ-же я провелъ 18 число? На доскѣ значится *только настоящая* моя фамилія: значитъ, я сознался въ самозванствѣ. Кто-же меня допрашивалъ? Гдѣ? Когда?... Ну, да все равно: благо *конецъ* дьявольской игрѣ... Но, вотъ, стали опять проноситься въ моемъ воображеніи непрощенные образы... Память остановилась на *Ивѣ*... Сердце болѣзненно сжалось; горькое, мучительное раскаяніе, отчаяніе овладѣли мною. Къ счастью, мой духовный организмъ былъ еще такъ слабъ, что не могъ выдержать долгаго напряженія: вскорѣ мысли стали безсвязны... исчезли мои мучители: воображаемыя лица и событія... вѣки сомкнулись... я заснулъ.

ГЛАВА II.

ВЪ ТЮРЕМНОЙ БОЛЬНИЦѢ.

Крѣпкій и продолжительный сонъ произвелъ на меня врачующее дѣйствіе. Послѣ него, я почувствовалъ себя значительно крѣпче. Сосѣдь мой, мальчикъ-арестантъ, подалъ мнѣ миску съ овсянкой и кусочекъ ситнаго, чѣмъ я и удовлетворилъ пробудившійся аппетитъ.

— Здравствуйте, Карасевъ! Вотъ не ожидалъ опять встрѣтиться съ вами въ тюрьмѣ!... Ну, очень радъ, впрочемъ,—будетъ, по крайней мѣрѣ, съ кѣмъ поговорить. А то, повѣрите-ли, просто съ ума сойдешь... Все такая шваль: ни одного *порядочнаго* мошенника... форточники, карманщики... Но что вы? Или не узнаете меня? Плохая-же у васъ память! Неужели вы не помните Фока? Спасская часть... Лавровъ... И господинъ, неожиданно поразившій меня этимъ словоизверженіемъ, безцеремонно усѣлся на моей кровати. Испитое, блѣдное лицо, впалая грудь, необыкновенная худоба при большомъ ростѣ, подергиваніе личныхъ мускуловъ, безпокойные, разбѣгающіеся по сторонамъ, глаза, все это дѣлало фигуру моего непрошеннаго гостя, въ арестантскомъ халатѣ, крайне непривлекательною. Напрасно я старался припомнить его. И не мудрено: оказалось, что онъ всего только нѣсколько дней содержался со мною въ части во время моего несчастнаго ареста въ 1872 году.

— Тѣмъ не менѣе, лицо ваше врѣзалось въ моей памяти. Вы были такой симпатичный мальчикъ... Да, скажите, правда-ли, что вы успѣли заграницей три раза жениться? — вдругъ озадачилъ меня мой безцеремонный гость.

— Нѣтъ, неправда.

— Ну, полноте! Что вамъ скрывать! Вѣдь все извѣстно: и въ газетахъ писали, да и доктора на-дняхъ разговаривали у

вашей кровати... Вы были еще безъ памяти... А славную, чортъ возьми, штуку вы выкинули! съ видимымъ восхищеніемъ воскликнулъ вдругъ Фокъ. — Быть цѣлый годъ княземъ, объѣздить всю Европу, три раза жениться на красавицахъ... Да, послѣ этого, и въ каторгу не досадно идти!... А тутъ, вотъ, какое-нибудь глупое, пустячное мошенничество на тридцать рублей, — т. е. оно, собственно, и не мошенничество, а гражданское дѣло: я это докажу въ судѣ, какъ дважды-два — четыре... рѣшеніе сената, знаете... такъ вотъ, говорю, и изволь коптѣть. Эхъ, канальство! Ну, и въ Парижѣ были? То-то, я думаю, городъ!... А французенки... Да что каторга! — послѣ такой жизни и умереть, ей Богу, не грѣхъ! — И гость мой сдѣлалъ какой-то особенный жестъ головой, ногами и руками — одновременно.

— Давно ужъ вы содержитесь въ тюрьмѣ?

— И давно, и недавно, т. е., это какъ вы взглянете. Собственно говоря, въ этотъ разъ, я приведенъ въ тюрьму всего съ мѣсяцъ тому назадъ. Недѣлю былъ на свободѣ, а до того годъ сидѣлъ; раньше — тоже мѣсяцевъ десять отсидѣлъ. Тенерь, вотъ, попалъ на такого слѣдователя, что ничего не подѣлаешь. Съ двумя-то кое-какъ поладилъ, — у меня, знаете, дѣла у трехъ слѣдователей, — такъ, вотъ, двоихъ-то умаслилъ: подъ надзоръ отпускаютъ. А третій, чортъ его возьми, знать ничего не хочетъ: подавай поручителя, да и только! да еще съ денежною отвѣтственностью въ 100 рублей... Просилъ, вотъ, здѣсь ходитъ одна ханжа, вотъ — которая у васъ сегодня была... такъ нѣтъ: на словахъ ангелъ, а заикнись о дѣлѣ, такъ убѣжитъ сейчасъ. Не понимаю, только, чего это ихъ пускаютъ сюда шляться! По моему: взялась помогать, такъ помогай, какъ слѣдуетъ... Читать Евангеліе мы сами съумѣемъ, если захотимъ. Вѣдь вы согласны со мной?

— Не совѣмъ. Мнѣ кажется, что она помогаетъ чѣмъ можетъ. Богата-ли она настолько, чтобы помогать деньгами?

— Такъ зачѣмъ-же она ѣздитъ сюда? Ну, скажите, пожалуйста, какое удовольствіе она можетъ доставить мнѣ своимъ чтеніемъ, молитвою, слезами? Только пуще тоску наводитъ.

— Изъ того, что вы не расположены слушать ея чтеніе, еще не вытекаетъ, чтобы оно наводило тоску и на другихъ. Наконецъ,

неужели вы никогда не нуждаетесь въ искреннемъ участіи, хотя-бы и такомъ, которое ограничивается добрымъ словомъ?

— Покорно благодарю-сь. Увольте-сь... Этакое-то участие и я, если вамъ угодно, могу оказать... Да что въ немъ толку? Нѣтъ, ужъ извините... Не вѣрю я этимъ барынямъ: пробовалъ я съ ними дѣло имѣть... гривенникомъ отдѣлаются.

— Конечно, если вы смотрите на нихъ съ такой точки зрѣнія, то...

Въ эту минуту, въ палатѣ показалась спокойная, кроткая фигура доброй женщины. Мой гость поднялся.

— Уйду, — она, кажется, къ вамъ идетъ. Потомъ приду къ вамъ чай пить. Я принесу... достану... Вѣдь у васъ ничего нѣтъ... Эхъ, жалко, что я не встрѣтился съ вами, когда вы были княземъ... То-то-бы мы зажили!!... и, ухарски щелкнувъ пальцами, Фокъ вышелъ изъ палаты.

Ничто не мѣшало мнѣ слѣдить за посѣтительницей. Вотъ, подошла она къ трудно-больному крестьянину, лежавшему черезъ нѣсколько кроватей отъ меня. Царствовавшая въ палатѣ тишина позволяла не проронить ни одного слова изъ разговора ея съ больнымъ.

— Здравствуй, другъ мой! лучше-ли тебѣ? привѣтствовала она больного, взявъ его за руку и устремивъ на него свой полный участія и любви взглядъ.

— Покорно благодаримъ, матушка... Кажись, полегчало малость... Чайку-бы хотѣлось напиться, да нѣту... слабымъ голосомъ отвѣтилъ больной.

— Вотъ, голубчикъ, я принесла съ собою немножко чайку и сахарку: кушай на здоровье! — И она достала, изъ висѣвшаго на ея рукѣ ридикюля, небольшой свертокъ, который и положила подъ подушку больного. — Ходить къ тебѣ кто нибудь? Есть у тебя родные?

— Какъ-же, матушка! Есть жена, трое дитятъ; да далеко, въ деревнѣ... Они, чай, и не знаютъ, что меня угораздило въ тюрьму... Небось, ждутъ денегъ къ празднику... Охъ, лукавый попуталъ меня окаяннаго, произнесъ больной голосомъ, полнымъ грусти и безысходнаго горя.

— Давно ты сидишь?

— Уже три мѣсяца, и Богъ знаетъ, когда конецъ-то будетъ. Всю, какъ есть, правду чистую сказалъ... Чего-бы, кажись, больше? А все еще не судятъ... И дѣло-то мое какое! Какъ есть лукавый попуталъ... Дѣло было праздничное,—ну, грѣшный человѣкъ, зашелъ въ трактиръ душу отвести... Оно-бы въ церковь идти помолиться, а я пошелъ въ трактиръ... Думалъ, земляковъ, можетъ, найду. Денегъ было у меня шесть гривенъ... когда еще было заработать-то!... Только изъ деревни пришелъ. Взялъ это я себѣ полштофъ водки и пью... Подвернись ко мнѣ на грѣхъ парень. Слово за слово, стали пить вмѣстѣ. Ужъ я порядкомъ охмѣлѣлъ... Оно-бы на фатеру идти, анъ нѣтъ... Ну, знакомое дѣло, лукавый... Пить, пить... денегъ-то ужъ нѣтъ, глядь—одежу за стойку: армякъ и сапоги... Глядь—и попалъ въ часть. Вишь, ночью на улицѣ пьянаго подняли. Ну, повели это меня, значитъ, къ фатерной хозяйкѣ... Здѣшній, говоритъ, паспортъ, все въ порядкѣ. Куда пойдешь безъ одежды-то? Взялъ я это двѣ рубахи, почитай у меня еще не надѣваны были, и пошелъ на Сѣнную. Продамъ, молъ, и куплю какіе ни на есть сапоги и куртку... Ходилъ, ходилъ, все никакъ не могъ настоящей цѣны заполучить... Видно, думаю, ничего не подѣлаешь: продалъ я за девять гривенъ... Купилъ я себѣ старенькіе сапожишки, ну, а куртки это ужъ гдѣ купить на такія деньги! Зайду, молъ, въ закусочную, закушу, да и измаялся ужъ больно, ходимши... Эхъ, грѣхъ, грѣхъ!... Не утерпѣлъ: купилъ себѣ косушку и селедку. Ну, на тощакъ-то, да измаявшись, знамо, запьянѣлъ... Ей-Богу, ужъ не помню, какъ это съ меня сняли сапоги, смѣнили рубаху, ободранную такую дали... Только какъ проснулся я это на другой день, посмотрѣлъ на себя, индо страшно стало. Залился я слезами горячими... А на меня какъ накинется какой-то солдатъ, да и давай бить... «Чего ревешь?»—говорить... А это я, матушка, къ мазурикамъ попалъ, знаешь домъ-то большой на Сѣнной... Ужъ какой тамъ народъ: знамо—воры. Какъ, думаю, теперь къ хозяйкѣ идти... Не пустить... Хошь топить ступай... А голова-то трещить съ похмѣлья. Ну, солдатъ и говоритъ: «Нечего реветъ; пойдемъ, похмѣлю и накормлю; только слушаться меня, не то—смотри!» И взаправду похмѣлилъ... Только идемъ это мы потомъ по Фонтанкѣ. Судно стоитъ. Солдатъ и говоритъ: «Погоди, малость, я схожу на судно». Потомъ меня позвалъ туда. «Тащи»,

говорить... Смотрю: одежда... Народу на суднѣ никого... Думаю, дѣло не чисто. А онъ это роется въ каморкѣ—каютѣ прозывается... Вижу, самоваръ несетъ... «Ступай, говоритъ, скорѣй!» А въ рукахъ-то у меня одежда: поддевка, стало быть, чуйка и казакинъ. Только это мы вышли на дорогу, глядь—кричатъ: «держи! держи! замокъ сломали!» Я бѣжать... одежду-то бросилъ. Да недалеко отбѣжалъ, поймали обоихъ. А это онъ, окаянный, въ этой самой каютѣ замокъ сломалъ... Вотъ какъ передъ Богомъ говорю; не дай, Господи, робятишекъ увидать, коли вру! А онъ теперь все на меня сваливаетъ: говоритъ, что я ломалъ... Что-то мнѣ будетъ, матушка? Сказываютъ: въ рабочій... а за мной никогда никакихъ оказіевъ не было... все Богъ миловалъ... Теперь пропащій я, одно слово, человѣкъ... И больной сильно закашлялся.

Я не переставалъ слѣдить за лицомъ посѣтительницы, во все время, пока несчастный рассказывалъ свою грустную исторію. Съ какимъ интересомъ слушала она его... Не разъ, во время рассказа, вырывался у нея глубокій вздохъ, и глаза ея обращались къ иконѣ... Видно было, что ей до болѣзненности жаль несчастнаго; что она страдаетъ за него, что онъ ей дорогъ. Я все болѣе и болѣе проникался уваженіемъ къ этой чудной женщинѣ, посвятившей себя трудному дѣлу служенія страждущему человечеству.

— Молись Богу, другъ мой!—необыкновенно ласково сказала она. — Никто, какъ Онъ. Грѣшно отчаяваться. Зачѣмъ ты говоришь, что ты теперь пропащій человѣкъ? Это неправда. Ты еще не старъ; Богъ дастъ, выздоровѣешь, тебя выпустятъ, будешь трудиться, помогать семейству. Человѣкъ ты хорошій, водку бросишь пить...

— Издохни я, матушка, коли ее, поганую, когда въ ротъ возьму,—энергично прервалъ ее больной.

— Вѣрю, другъ мой. Ну, вотъ, видишь: Господь послалъ тебѣ испытаніе; перенеси его безропотно. А женѣ напиши, чтобы знали, что съ тобой. Ты грамотный?

— Нѣтъ, матушка; да и денегъ-то у меня нѣтъ за пошту заплатить.

— Хочешь, голубчикъ, такъ я напишу за тебя и пошлю?

— Заставьте за себя вѣчно Бога молить, отвѣтилъ видимо тронутый мужичокъ.—Да пусть она мнѣ отпишетъ,—добавилъ онъ.

— Хорошо, хорошо, другъ мой. Скажи-же мнѣ, куда писать: какъ называется твоя деревня?—И посѣтительница вынула изъ того-же ридикюля, вѣроятно, памятную книжку, въ которую и занесла подробный адресъ крестьянина.—Я сегодня-же напишу. Поправляйся, голубчикъ. Я буду тебя навѣщать. Ну, прощай, Богъ съ тобой... И поправивъ, съ материнскою заботливостью, постель больного, посѣтительница подошла къ слѣдующей кровати, около которой стоялъ, охорашиваясь, повидимому совершенно здоровый «больной», воинственный видъ, усы и манеры котораго заставляли безошибочно предполагать въ немъ военнаго.

— Вы г. Бурцевъ?—кратко спросила его посѣтительница.

— Такъ точно, ваше сіятельство,—хриплымъ басомъ отвѣтилъ воинъ.

— Мнѣ передавалъ надзиратель, что вы имѣете ко мнѣ просьбу? Говорите. Очень буду рада, если смогу что нибудь сдѣлать для васъ.

— Я бла-ародный человѣкъ,—началъ воинъ свою рѣчь,—а со мною, вы видите, какъ поступила? Но это ничего... Они всѣ годъ судъ пойдутъ...

— Извините меня,—ласково перебила она его,—я бы собственно хотѣла знать, чѣмъ я именно могу вамъ быть полезна?

— Осмѣлюсь обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшей просьбой... Какъ бла-ародный человѣкъ... офицеръ... Я возвращу,—повѣрьте, ваше сіятельство: только временно нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ... У меня есть связи, богатые родственники... Послѣ завтра оканчивается срокъ моего ареста... На первое время,—сами знаете,—необходимо имѣть хоть сколько-нибудь денегъ... О, я ихъ возвращу... Не далѣе, какъ черезъ пять дней... Вѣрьте бла-ародному человѣку... хоть десять рублей... я...

— Десять рублей я вамъ не могу дать... Если вамъ угодно, я оставлю въ конторѣ на ваше имя два рубля; можетъ быть, какъ нибудь обойдетесь?

— Я очень благодаренъ вашему сіятельству... какъ бла-ародный человѣкъ... черезъ пять дней... соблаговолите вашъ адресъ...

— Можете прислать въ тюремную контору на мое имя. До свиданія,—торопливо закончила она, замѣтно дѣлая надъ собой усиліе ласково улыбнуться.

— Ну, вотъ, вы и здоровы почти!—радостно проговорила она, беря меня за обѣ руки.—Не правда-ли? Вы себя хорошо чувствуете?

— Да, физическій организмъ мой замѣтно возстановляется; въ сожалѣнію, этого-же нельзя сказать о моемъ душевномъ состояніи...

— Я это знаю. Вашъ бредъ, ваши сегодняшнія слезы и отчаянный голосъ, умолявшій кого-то о прощеніи, голосъ—прибавлю—до глубины души тронувшій меня,—достаточно ясно свидѣтельствуютъ о душевныхъ страданіяхъ. Я, конечно, не знаю причинъ, ихъ вызывающихъ,—я и о дѣлѣ-то вашемъ имѣю очень смутное понятіе, почерпнутое изъ нѣсколькихъ словъ здѣшняго зрителя,—позволю себѣ только высказать вамъ то, что я вывела изъ долгаго личнаго опыта, и въ цѣлебной силѣ чего я искренно убѣждена. Вѣра и надежда,—вотъ единственное, съ чѣмъ невозможно пасть подъ бременемъ душевныхъ страданій, какъ-бы велики они ни были. Согласитесь, можно-ли придти въ отчаяніе, если сильна надежда? И я-бы отъ души желала, чтобы это чувство укрѣпилось въ васъ.

— О нѣтъ, нѣтъ; оно невозможно безъ участія тѣхъ, которыхъ я оскорбилъ; вы не знаете, не можете себѣ представить, какъ велики мои страданія... Да и откуда явится во мнѣ надежда?!... надежда, которую я ужъ давно, много лѣтъ назадъ, безвозвратно потерялъ... не удивляйтесь! когда мнѣ еще было 17—18 лѣтъ... О, мое проклятое прошлое!...—Слезы душили меня, я не могъ говорить.

— Да поможетъ вамъ Господь,—и она молча опустила на колѣни и предалась горячей молитвѣ.

Женщина эта представлялась мнѣ явленіемъ необычайнымъ. Такъ глубоко проникнутъ великой идеей, до такой степени предаться служенію этой идеѣ, мнѣ казалось невозможнымъ, противнымъ природѣ человѣка. Какъ было-бы счастливо человечество,—думалъ я, глядя на погруженную въ молитву женщину,—еслибы среди него такія натуры не были поражающимъ исключеніемъ!... Мысль невольно увлекалась, рисуя заманчивыя картины счастья и довольства такого воображаемаго общества... Мечты мои были прерваны; она поднялась съ колѣнъ и, занявъ свое прежнее мѣсто около меня, нѣкоторое время продолжала безмолвно

смотря на меня; наконецъ, взявъ меня за руку, произнесла задумчивымъ голосомъ:

— Вы, кажется, теперь успокоились; могу я предложить вамъ одинъ вопросъ?

— Будьте такъ добры. Мнѣ тѣмъ богѣ пріятно будетъ отвѣчать вамъ, что я уже чувствую благотворное дѣйствіе вашего присутствія и словъ.

— Мнѣ это очень пріятно. Я хотѣла-бы знать: молитесь-ли вы?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я совершенно искренно.

— Но прежде,—вы молились?

— Да; но это не была сознательная молитва.

— Прошу васъ, попробуйте молиться. Вы увидите, какая великая сила кроется въ молитвѣ—она вамъ дастъ и надежду, и терпѣніе, и избавитъ васъ отъ страданій. Вы не будете *безпомощны*. Говоря это, я основываюсь на долготѣлнемъ личномъ опытѣ. Съ того только времени, какъ я научилась молиться, я пріобрѣла спокойствіе. Вы, конечно, понимаете меня: я не говорю о писанной молитвѣ, о молитвѣ, какъ обрядъ. Я подразумѣваю исключительно молитву *души*, будь она устная, или безмолвная. Горе ваше найдетъ тогда исходъ. Вамъ не будетъ такъ тяжело; у васъ не будетъ безысходнаго горя, тупаго отчаянія. Что вы мнѣ на это скажете?

— Къ несчастью, я не могу *такъ* молиться; въ этомъ и заключается, можетъ быть, мое главное несчастье.

— Не ваше одно; повѣрьте мнѣ, что въ этомъ заключается несчастье большинства людей. Гдѣ молитва—тамъ надежда; гдѣ надежда—тамъ не можетъ имѣть мѣсто отчаяніе. Что вамъ мѣшаетъ молиться?

— Вѣроятно, тоже самое, что большинству: нетвердая вѣра.

Глубокое страдательное сожалѣніе виднѣлось въ ея взглядѣ, вызванномъ моимъ послѣднимъ отвѣтомъ. Звонокъ къ повѣркѣ прервалъ нашу бесѣду.

— До свиданія!... Да, скажите, пожалуйста, какъ васъ зовутъ?... спросила она меня, готовясь оставить палату.

— Дмитрій Александровичъ.

— До свиданія-же, Дмитрій Александровичъ. Я не имѣю основаній не вѣрить тому, что вы сказали, что вамъ пріятно мое присутствіе. Я получаю, такимъ образомъ, предлогъ часто посѣщать васъ. Мы съ вами еще поговоримъ. Прошу васъ только не

предаваться безотраднымъ мыслямъ. Я вамъ оставлю вотъ это Евангеліе. Общайте мнѣ заглянуть въ него, когда вамъ взгрустнется?

— Непремѣнно.

— Господь съ вами!... и крѣпко пожавъ мнѣ руку, посѣтителница вышла изъ палаты.

Шумъ... говоръ... стукъ... бряцанье сабель... Человѣкъ шесть солдатъ, столько-же тюремныхъ служителей, караульный офицеръ и помощникъ смотрителя вошли въ палату для повѣрки больныхъ арестантовъ. Трудно-больные, разбуженные бесполезнымъ, врядъ-ли требуемымъ интересомъ повѣрки, шумомъ,—заметались: кашель, охи, вздохи, плачь раздались по палатѣ. Все это тѣмъ болѣе поражало, что до того, въ этой палатѣ, назначенной для слабыхъ больныхъ, царствовала совершенная тишина. «Начальство» оставилось у моей кровати.

— А-га! Очнулись!—привѣтствовалъ меня помощникъ смотрителя, маленькій, толстенькій, красненькій человѣчекъ, носъ котораго, своими отличительными, благопріобрѣтенными признаками, достаточно ясно свидѣтельствовалъ о трезвости своего владѣльца.

— Какъ видите,—отвѣтилъ я.

— Чего тутъ видѣть! Такъ не отвѣчаютъ начальнику! Мы васъ заставимъ забыть о княжествѣ!... Ха-ха-ха! Видѣли князя Каракадзе? Онъ самый... Не угодно-ли полюбоваться!... прибавилъ «начальникъ», обращаясь къ караульному офицеру, не переставая заливаться грубымъ смѣхомъ.

— Я-бы просилъ васъ, господинъ «начальникъ», оставить меня въ покоѣ, если не изъ уваженія къ себѣ, то хотя изъ вниманія къ моему болѣзненному состоянію, на которомъ ваше издѣванье можетъ очень дурно отозваться, торопливо проговорилъ я, весь трясаясь.

— Что-о-о! Эй! записать его! разразилось «начальство». — Какъ вамъ нравится это острожное сіятельство? Гоноръ-то какой, замѣтили? Ну, да мы его выьемъ!... громко рассуждало оно съ караульнымъ офицеромъ, удаляясь съ своей грозной свитой изъ палаты.

Безпамятство, въ которое я впалъ въ первые часы ареста, избавило меня до сихъ поръ отъ сценъ, подобныхъ только-что